

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОВОЕ МЫШЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

С. В. Куклин

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

В статье анализируются основные научные подходы к правовому мышлению, представленные в современной юридической литературе, раскрывается взаимосвязь и взаимообусловленность правового мышления и правовой культуры как самостоятельных юридических феноменов современного общества. Исследуются общие черты данных явлений, среди которых автор выделяет личностный аспект, роль носителя правовой культуры и правового мышления. Автор рассматривает особенности двух уровней правовой культуры: макро-уровня, отражающего особенности правового мышления всего общества на данном этапе развития или его отдельной части – социальной группы, и микро-уровня – уровня отдельного человека. На примере особенностей англосаксонской и романо-германской правовых семей раскрываются специфические черты правового менталитета и правовой культуры, которые формируют особое правовое мышление и в свою очередь вновь им конструируются.

Ключевые слова: *правовое мышление, правовая культура, уровни правовой культуры, правовой менталитет.*

В настоящее время актуальность и научный интерес представляет как сам феномен правовой культуры, так и пути и способы ее развития. Именно с целью поиска таких направлений повышения уровня правовой культуры в обществе необходимо ее теоретико-правовое исследование с точки зрения различных методологических подходов, а также выявление закономерностей ее развития и анализ близких и взаимосвязанных с правовой культурой явлений. К таким феноменам, отражающим внутреннее развитие правовой системы и несущим на себе отпечаток правовых идей, взглядов, теорий, концепций и ценностей, и тесно связанным с уровнем развития правовой культуры общества, относится правовое мышление. В связи с этим особую роль играет проблема правового мышления, как явления, тесно связанного с правовой культурой, характеризующего ее отдельный аспект, в первую очередь, процесс интеллектуальной деятельности носителя правовой культуры.

Правовая культура в научной литературе обычно понимается в качестве совокупности знаний, установок и ценностей личности в отношении прав и возможностей их практической реализации, которая осуществляется в процессе взаимодействия субъектов правоотношений. Правовая культура – сложный комплекс явлений социальной жизни, она включает правовые нормы, правосознание, прин-

ципы, правоотношения, правовое поведение в процессе воплощения жизненных установок [17, с. 201]. Содержание понятия правовой культуры охватывает все созданное человеком в сфере права: само право, юридическую науку, правосознание и юридическую практику. С точки зрения указанного подхода правовая культура представляет собой правовую реальность, включает ценности, нормы, различные правовые ситуации и реализацию их в правопорядке [3, с. 115].

Представляется, однако, что данный подход неоправданно расширяет объем понятия правовой культуры, так что оно уже начинает охватывать все без исключения правовые явления, что в свою очередь снижает эпистемологическое значение данной категории. На наш взгляд, правовую культуру следует рассматривать в более узком смысле, как определенный уровень развития общества и отдельного социального субъекта в правовой сфере, который отражает процесс и результат правовой деятельности.

В узком понимании, с позиции данной теории, правовая культура включает все созданное человечеством в области права. Представители указанного подхода В. Н. Кудрявцев и В. П. Казимирчук утверждают, что «правовая культура – это явление, ориентированное государством и обществом на формирование и развитие политического и правового

го сознания людей, их ценностно-нормативного комплекса, а тем самым и поведения, и деятельности в правовой сфере. Целью правовой культуры является активное вторжение в социальную среду, воздействие на сформировавшиеся установки, направление членов коллективов и социальных групп к пониманию необходимости прогрессивных норм правового поведения» [4, с. 164].

С точки зрения философского подхода, сторонником которого выступает С. С. Алексеев, правовая культура «рассматривается как чисто аналитическое явление и представляет собой своего рода юридическое богатство, выраженное в достигнутом уровне развития регулятивных качеств права, некоторых правовых ценностей юридической техники, совершенстве законодательства и правовой практики, которые в целом относятся к духовной культуре и правовому процессу общества» [1, с. 164].

В рамках социологического подхода, который еще получил название качественного [25, с. 123], правовая культура раскрывается в личностном и общественном контекстах в качестве совокупности духовных ценностей, то есть как определенное качество правовой жизни личности и общества [3, с. 116]. Так, сторонником данной позиции А. П. Семитко правовая культура характеризуется как состояние правовой жизни общества, обусловленное политическим и социально-экономическим строем, которое выражается в достигнутом уровне развития правовой деятельности, юридической техники, и правосознания субъектов [21, с. 108–113], в виде «качественного состояния правовой жизни общества» [20, с. 28].

Согласно точке зрения, рассматривающей правовую культуру в институциональном аспекте, роль ее заключается в соотношении и установлении связи с помощью общепризнанных норм между политико-правовой организацией общества и правовым поведением его членов. Правовая культура в качестве социально и исторически обусловленных, превратившихся в нормативные структуры и закрепленных отчасти отрефлексированных, отчасти дорефлективных представлений о «законном и справедливом», отражает конкретное, определенное понимание права, социального порядка и представления о правомерном. Правовая культура сочетает пред-

ставления, идеи, эмоции и взгляды, которые отражают представления о юридических обязанностях и субъективных правомочиях, отношение людей к действующему праву, о правомерном характере того или иного поведения, о нормативности общественного порядка в целом [28, с. 143]. Указанный подход фактически соединяет содержание взаимосвязанных, но различных понятий: правовой культуры и правопонимания. Ведь именно понятие «правопонимание» отражает представления и идеи по отношению к действующему праву.

Интересным признаком понятия правовой культуры, которым обладает и правовое мышление, что сближает данные категории, является необходимость наличия субъекта – именно человека. Исследование категорий правоотношения, правового регулирования, функций права и других не требуют обращения к человеку, и если и делают это, то чаще всего лишь опосредованно. Юридические наука и практика часто опираются на безличные языковые конструкции, используют возвратные суффиксы, так что сам действующий субъект теряется, или на его место выходят государство, социальная группа или организация. Даже сам термин «человек» в юриспруденции используется сравнительно редко, чаще используется термин «лицо», а если говорить об устойчивой правовой и языковой конструкции, он включен, пожалуй, только в «права и свободы человека и гражданина». Термин «личность» также чаще всего используется в нормах-декларациях и теоретических построениях, призванных защитить интересы личности в ее противостоянии государству и обществу. Атрибут же правовой культуры и особенно правового мышления – принадлежность субъекту, человеку, личности, именно физическому лицу, носителю правовой культуры и правового мышления.

Можно конечно говорить о двух уровнях: макро-уровне правовой культуры, отражающем особенности правового мышления всего общества на данном этапе развития или его отдельной части – социальной группы, и микро-уровне, уровне отдельного человека. Правовой культурой общества охватывается его духовная сфера, накопленные правовой историей народа ценности (памятники права и юридические концепции, нормативные правовые и правоприменительные акты и т.п.). Под

групповой правовой культурой понимается культура группы, коллектива. Индивидуальная правовая культура включает высокий уровень правовых знаний, в том числе высокое правосознание, умение и навыки правового мышления и деятельности, подчинение своего поведения требованиям правовых норм [22, с. 72]. Однако эти уровни находятся в диалектическом единстве, тесно переплетаются, влияют друг на друга и, безусловно, не существуют один без другого, хотя и вполне возможно, что их ценности и приоритеты могут не совпадать. Индивидуальные социальные субъекты могут обладать инвариантными и изменчивыми компонентами, типичными, общими чертами, а также собственной спецификой. Поэтому необходимо учитывать такие явления, как альтернативная культура, контркультура, в том числе в сфере права, и их носители также могут обладать своими особенностями правового мышления.

Как отмечает О. П. Сауляк, уровень развития правовой культуры в целом зависит и от состояния правовой культуры отдельных социальных групп, участником которых субъект является. Эффективность правовой культуры значительно повысится, если кроме определенных государственных институтов в решении задачи по ее формированию примет участие общественность. Однако, по его мнению, это еще не будет гарантией сформированности правовой культуры социума, так как ее высокий уровень не может гарантировать столь же высокую индивидуальную правовую культуру каждого [18, с. 49]. Этот аспект указывает на противоречия, возникающие между отдельным субъектом и социальной, в частности профессиональной, группой, между групповым и индивидуальным уровнями правовой культуры [23, с. 50–51].

Сущность правовой культуры и правового мышления, таким образом, наиболее ярко раскрывается в процессе использования субъектно-деятельностного подхода, заключающегося в том, чтобы в понятиях «правовая культура» и «правовое мышление» выделить признак субъекта – носителя правовой культуры и правового мышления. И очень важно отметить, что речь здесь идет об одном и том же человеке, представителе общества, достигшего определенного уровня развития. Эти социальные, экономические внутри- и внешнеполитические, духовные и иные особенности, в том числе, к примеру, связанные с эко-

логической обстановкой, общность исторического прошлого и отражение в настоящем предшествовавших этапов развития общества определяют особенности субъекта и влияют как на его правовую культуру, так и на правовое мышление.

В соответствии с деятельностным подходом правовая культура – это специфический способ бытия человека в правовой сфере, это созданный человеком метод социального управления, который заключается в целенаправленном воздействии на поведение индивидов с целью обеспечения стабильности и порядка в обществе. По словам Е. А. Лукашевой, правовая культура рассматривается в качестве результата взаимодействия субъектов, в процессе которого возникают регулирующие эталоны поведения в виде норм права, а ее существование – в качестве формы социального взаимодействия, которое воспроизводит существующие и продуцирует новые эталоны правового поведения [13, с. 28].

Эта взаимосвязь правового мышления и правовой культуры весьма наглядно может быть показана путем сравнительного анализа особенностей правового мышления и правовой культуры представителей англосаксонской и романо-германской правовых семей.

Как отмечает Л. П. Рассказов, для англосаксонской правовой семьи характерен низкий уровень нормативных обобщений и систематизации [15, с. 949]. Начиная со второй половины XIX века в Великобритании выпускаются так называемые «Судебные отчеты», в которых публикуются решения высших судебных инстанций, приобретающих значение судебных прецедентов. Наряду с этим издаются также «Всеанглийские судебные отчеты», «Судебные отчеты по Северной Ирландии», «Еженедельные судебные отчеты» и иные отчеты [7, с. 417–418], которые трудно поддаются систематизации. И обобщение, и систематизация – операции правового мышления, которые лежат в основе становления и развития романо-германской правовой семьи, для англосаксонского правового мышления характерна такая логическая операция, как аналогия, на которую опирается применение правовых прецедентов.

Эти особенности правового мышления в свою очередь связаны со специфической чертой правовой культуры – отсутствием официального вертикального деления права на отдельные отрасли (к примеру, один статут мо-

жет содержать нормы уголовного, гражданского и семейного права). К этому следует добавить, что, по словам Ф. М. Решетникова, английское законодательство в системе общего права вплоть до начала XIX века находилось на вторых ролях и представляло собой «постоянно растущее собрание неупорядоченных, плохо согласованных между собой и даже прямо противоречащих одни другим статутов, принимавшихся начиная с XIII века при самых различных обстоятельствах и нередко продолжавших действовать в совершенно изменившихся исторических условиях» [16, с. 27].

Если говорить о статутах, то для них нередко характерно сочетание общих весьма широких предписаний с невероятно конкретными деталями. В результате ряд актов, по словам Л. Фридмэна, становится «абсолютно нечитабельным, темным и непроницаемым лабиринтом, в котором только специалисты могут не заплутать, и даже они при этом испытывают массу сложностей и неудобств» [27, с. 81]. Однако следует отметить, что эта особенность – не столько показатель правового мышления авторов законов, а, скорее, она зависит от историко-политических предпосылок принятия закона. Если законодательный орган стремится избежать однозначного решения некоего сложного вопроса, то он может принять чрезвычайно широкий, расплывчатый акт, тем самым переложив ответственность за его реализацию на соответствующие правоприменительные органы [11, с. 556]. Ученым справедливо замечено, что «социальные силы, стоящие за любым конкретным законом, объясняют в той же мере его форму, что и сущность» [27, с. 84].

Действительно, если законодатель использует столь общие, абстрактные понятия, это приводит к ситуации, при которой без их интерпретации, в первую очередь со стороны судов, практическое применение этих актов становится невозможным. Они не содержат как таковых правил поведения, а очерчивают лишь рамки, границы дозволенного (необходимого) поведения. В этом также проявляется взаимосвязь правового мышления и правовой культуры. Рамочные статуты обеспечивают судебному прецеденту роль необходимого и основного источника права. Данная практика принятия рамочных статутов в целом соответствует традиционному правопониманию юри-

стов общего права, для которого характерно восприятие права в качестве результата деятельности, в первую очередь судебных, а не законодательных органов [11, с. 556].

Тем не менее, если говорить о таком основополагающем требовании, предъявляемом к правовому мышлению, как непротиворечивость, необходимо отметить, что процессу толкования права в англосаксонской юриспруденции присуща высокая степень систематизированности. Являясь актами индивидуального правоприменения, судебные решения смогли стать самим правом, занимая пусть не самое высокое место в иерархии форм английского права, однако во многом играя определяющую роль в процессе его формирования. Следовательно, требования к технике толкования должны быть весьма высоки, так как именно от их качества будет зависеть правоформирующая роль судебных решений [2, с. 136]. Так, многие правоведы также указывают, что, к примеру, главным преимуществом английской юридической техники «является ее институционализация, обязывающая каждого юриста, независимо от его процессуального статуса, политических, гендерных и других предпочтений следовать весьма упорядоченным правилам», а это уже в свою очередь имеет значение в качестве эффективно действующего образца комплекса институтов, которые позволяют устранить прямое влияние на судебные органы со стороны исполнительной власти [24, с. 40].

Для правового мышления представителей романо-германской правовой семьи, напротив, характерен высокий уровень обобщения и систематизации уже на стадии принятия законов, правовая норма имеет четкую логическую структуру. Так, А. В. Мицкевич отмечает, что структура правовых норм включает три «структурных элемента деонтической логики»: гипотезу, диспозицию и санкцию [14, с. 255]. А. В. Поляков утверждает, что любая правовая норма имеет логическое содержание и ценностное значение. Их совокупность образует логический смысл правовой нормы, который, в свою очередь, задает языковая формулировка образующих ее элементов [12, с. 468–469]. Структурой правовой нормы рассматривается только как логическая обусловленность гипотезы, диспозиции и санкции, независимо, как и где они изложены [19, с. 45]. С этим связана и целесообразность ис-

пользования такой теоретико-правовой категории, как «реальная норма» или «логическая норма» [26, с. 27].

Эти теоретические положения характеризуют правовое мышление, подчиненное необходимости поиска элементов правовой нормы. Как указывает Е. А. Петрова, «логическим путем мы всегда можем вывести (найти) все три элемента в правовой норме и в этом как раз и состоит задача профессионального юриста: он должен увидеть в текстуальном выражении нормы права ее подлинное содержание и отыскать все ее элементы» [10, с. 585].

Такой процесс правового мышления, как толкование права, к примеру, в немецкой юриспруденции опирается на четыре основных метода: история создания закона, его текст, система и поставленные перед ним цели. Наиболее объемный систематический метод толкования права основан на тезисе, что система норм права должна быть свободна от противоречий, а каждая норма – гармонизировать со всей системой в целом, соответственно нужно выбирать тот вариант толкования, который обеспечит гармонию нормы с другими нормами. В целях обеспечения такого комплексного толкования необходимо рассматривать определенную совокупность принципов и норм права, регулирующих конкретные правоотношения, что дает возможность всестороннего изучения вопроса [2, с. 131–132].

Эти особенности правового мышления и правовой культуры представителей различных правовых семей влияют на юридическую теорию и практику в государстве, а также в значительной степени на подготовку юристов, которая значительно отличается в странах англосаксонской и романо-германской правовых семей. Эти особенности объясняются различиями в правовых системах, системах права, источниках, систематизации права в данных государствах [5, с. 1], а в конечном итоге особенностями правовой культуры и правового мышления.

В заключение подводя итоги. Правовая культура и правовое мышление – тесно связанные взаимообусловленные явления правовой реальности. Носители правовой культуры того или иного государства обладают правовым менталитетом, под которым понимается актуальный, реальный способ правовой деятельности и правового мышления, присущий

определенной социальной общности. К существенным чертам правового менталитета А. В. Мурунова относит те свойства, обуславливающие само существование правовой системы в качестве единого целого, соответствующие устойчивым, долговременным, многовековым условиям ее существования и исторического развития. Менталитет не может быть раскрыт без объективного анализа данных условий. Сохранение правового менталитета непосредственно обеспечивается функционированием в обществе каналов трансляции ментальной информации, среди которых: окружающая правовая среда (действие законов, организация правовых институтов создают у представителей каждого поколения единый настрой в сфере восприятия правовой действительности); связь поколений, общение с носителями правового менталитета; структуры языка права конкретной общности, выступающие формой транслирования национальных способов правового мышления; тексты законов, кодексов и юридических сочинений. Степень воздействия текста на сознание определяется степенью освоения его массовым сознанием, а также особенностями юридического быта [9, с. 195].

Для правовой культуры европейского общества правовое мышление и в более широком смысле правовая рациональность имеют первостепенное значение. В. П. Малахов среди системообразующих идей и духовных доминант западноевропейской правовой культуры выделяет рационализм [6, с. 405–408]. Рационализм означает веру в бесконечные возможности, позволяющие человеческому духу знать, структурировать и справляться с действительностью в объективной манере. Рациональность европейцев является универсальной, имеет тенденцию к предельным обобщениям. Для западноевропейского рационализма характерны спекулятивность, установка на отвлеченно-категориальное воспроизведение знаний о мире. Указанный автор отмечает «заземленность» европейской рациональности: рационализм приобретает смысл в качестве господствующего способа понимания, образа жизни и мотивации человека. Материальная жизнь, повседневный быт, право, политика воспринимаются не непосредственно, а лишь в некоей сетке закономерностей, через абстрактную модель, на основании очевидности детерминизма явлений [8, с. 259].

Таким образом, связь правовой культуры с правовым мышлением может быть установлена через понятие правового менталитета. Правовое мышление при таком подходе становится основным системообразующим элементом правовой культуры определенного круга субъектов, определяющим характерные способы освоения социально-правовой действительности. Именно правовое мышление лежит в основании профессиональной правовой культуры и культуры научного сообщества. Правовой менталитет и правовая культура того или иного общества формируют правовое мышление и в свою очередь вновь им конструируются.

Литература

1. Алексеев, С. С. Теория государства и права: учебник / С. С. Алексеев. – М.: Норма, 2004. – 283 с.
2. Дубинин, М. Г. Толкование права в романо-германской и англосаксонской правовых семьях (на примере ФРГ и Великобритании) / М. Г. Дубинин // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2015. – № 3. – С. 131–137.
3. Каландаришвили, З. Н. Основные концепции изучения правовой культуры в юридической науке / З. Н. Каландаришвили // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 10. – Вып. 56. – С. 111–120.
4. Кудрявцев, В. Н. Современная социология права: учебное пособие / В. Н. Кудрявцев, В. П. Казимирчук. – М.: Юристъ, 1995. – 297 с.
5. Лапшина, И. Е. Юридическое образование за рубежом (опыт США и ФРГ) / И. Е. Лапшина, Т. А. Аркадьева, М. А. Валеева // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – № 12. – С. 166–170.
6. Малахов, В. П. Философия права / В. П. Малахов. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – 560 с.
7. Марченко, М. Н. Сравнительное правоведение / М. Н. Марченко. – М.: Проспект, 2011. – 781 с.
8. Мельников, Д. С. Западная правовая культура как социокультурный феномен / Д. С. Мельников // Вестник Брянского государственного университета. – 2011. – № 2. – С. 257–260.
9. Мурунова, А. В. Правовая ментальность: понятие и сущность / А. В. Мурунова // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – № 3. – С. 194–197.
10. Петрова, Е. А. Норма права как юридическая конструкция: отечественный и зарубежный опыт / Е. А. Петрова // Юридическая техника. – 2013. – № 7 (ч. 2). – С. 583–590.
11. Петрова, Е. А. Особенности законотворческой техники в странах прецедентного права (на примере США): сравнительно-правовой аспект / Е. А. Петрова // Юридическая техника. – 2015. – № 9. – С. 554–558.
12. Поляков, А. В. Общая теория права / А. В. Поляков. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 642 с.
13. Право и культура: монография / В. С. Нерсисянц, Г. И. Муромцев, Г. И. Мальцев и др. – М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2002. – 423 с.
14. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсисянца. – М.: Норма, 2004. – 813 с.
15. Рассказов, Л. П. Англосаксонская правовая семья: генезис, основные черты и важнейшие источники / Л. П. Рассказов // Научный журнал КубГАУ. – 2015. – № 105 (01). – С. 949–963.
16. Решетников, Ф. М. Правовые системы стран мира: справочник / Ф. М. Решетников. – М.: Юрид. лит., 1993. – 256 с.
17. Сангинов, К. Х. Формирование правовой культуры молодежи: сущность и проблемы / К. Х. Сангинов // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. – 2013. – № 3 (36). – С. 201–210.
18. Сауляк, О. П. Правовая культура как фактор обеспечения правопорядка (общетеоретические, образовательные и иные аспекты проблемы) / О. П. Сауляк // Право и образование. – 2009. – № 10. – С. 48–59.
19. Сельский, А. В. Бланкетные нормы в уголовном законодательстве России: дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Сельский. – М., 2010. – 191 с.
20. Семитко, А. П. Правовая культура социалистического общества: сущность, противоречия и прогресс: монография / А. П. Семитко. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 176 с.
21. Семитко, А. П. Русская правовая культура: мифологические и социально-экономические истоки и предпосылки /

А. П. Семитко // Государство и право. – 1992. – № 10. – С. 108–113.

22. Стрыгина, С. В. Правовая культура современной России / С. В. Стрыгина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2007. – Т. 7. – Вып. 1. – С. 69–72.

23. Титаренко, Т. А. Формирование правовой культуры сотрудников ОВД / Т. А. Титаренко // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2011. – № 3 (46). – С. 48–52.

24. Тонков, Е. Н. Английская техника толкования закона / Е. Н. Тонков // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 24. – С. 37–40.

25. Тугуз, С. Б. Понятие правовой культуры и ее существенные характеристики /

С. Б. Тугуз // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2009. – № 2. – С. 122–125.

26. Тулиглов, М. А. Структура уголовно-правовой нормы: дис. ... канд. юрид. наук / М. А. Тулиглов. – Омск, 2006. – 206 с.

27. Фридман, Л. Введение в американское право / Л. Фридман. – М.: Прогресс-Универс, 1993. – 286 с.

28. Шефруков, А. З. Правовая культура в системе социальных институтов / А. З. Шефруков // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение, философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2008. – № 8. – С. 142–149.

Куклин Сергей Вадимович – аспирант кафедры теории государства и права, конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. E-mail: grimm65@list.ru.

Статья поступила в редакцию 12 октября 2017 г.

DOI: 10.14529/law170415

LEGAL CULTURE AND LEGAL THINKING IN THE MODERN SOCIETY

S. V. Kuklin

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

In the article the author analyzes the basic scientific approaches to legal thinking, represented in the modern legal literature revealing the interconnectedness and interdependence of legal thinking and legal culture as a separate legal phenomena in the modern society. The common features of these phenomena, among which the author identifies the personal aspect, the role of the carrier of legal culture and legal mentality, are examined. The author considers the peculiarities of the two levels of legal culture: a macro-level, reflecting the characteristics of the legal thinking of the whole society at this stage of development or a separate part of the social group; and the micro level – the individual level. On the example of the features of Anglo-Saxon and Romano-Germanic legal families the peculiarities of the legal mentality and legal culture are revealed, which form a special legal thinking and, in turn, are constructed by it.

Keywords: *legal thinking, legal culture, level of legal culture, legal mentality.*

References

1. Alekseev S. S. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow, 2004, 283 p.
2. Dubinin M. G. [Interpretation of law in the Romano-Germanic and Anglo-Saxon legal families (on the example of the Germany and the UK)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after. N.I. Lobachevsky]*. 2015, no. 3, pp. 131–137. (in Russ.)
3. Kalendarishvili Z. N. [Basic concepts for the study of legal culture in legal science]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. [Proceedings Russian state pedagogical University named after A. I. Herzen]*. 2008, no. 10, vol. 56, pp. 111–120. (in Russ.)
4. Kudryavcev V. N., Kazimirchuk V. P. *Sovremennaya sociologiya prava*. [Modern sociology of law]. Moscow, 1995, 297 p.
5. Lapshina I. E., Arkad'eva T. A., Valeeva M. A. [Legal education abroad (experience of USA and Germany)]. *Nauchno-metodicheskij ehlektronnyj zhurnal «Koncept». [Scientific-methodical electronic journal "Concept"]*. 2014, no. 12, pp. 166–170. (in Russ.)
6. Malahov V. P. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow, Ekaterinburg, 2002, 560 p.
7. Marchenko M. N. *Sravnitel'noe pravovedenie* [Comparative law]. Moscow, 2011, 781 p.
8. Mel'nikov D. S. [Western legal culture as a sociocultural phenomenon]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [The Bulletin Bryansk state University]*. 2011, no. 2, pp. 257–260. (in Russ.)
9. Murunova A. V. [The law mentality: the concept and essence]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve. [The gaps in the Russian legislation]*. 2009, no. 3, pp. 194–197. (in Russ.)
10. Petrova E. A. [The Rule of law as a legal structure: domestic and foreign experience]. *Yuridicheskaya tekhnika. [Legal technique]*. 2013, no. 7 (part 2), pp. 583–590. (in Russ.)
11. Petrova E. A. [The peculiarities of lawmaking in the case law (on the example of the USA): comparative aspects]. *Yuridicheskaya tekhnika [Legal technique]*. 2015, no. 9, pp. 554–558. (in Russ.)
12. Polyakov A. V. *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. St. Petersburg, 2001, 642 p.
13. Nersesyants V. S., Muromtsev G. I., Mal'tsev G. I. *Pravo i kul'tura* [Law and culture]. Moscow, 2002, 423 p.
14. Nersesyants V. S. *Problemy obshchej teorii prava i gosudarstva* [Problems of the General theory of law and state]. Moscow, 2004, 813 p.
15. Rasskazov L. P. [Anglo-Saxon legal family: the Genesis, main features and most important sources]. *Nauchnyj zhurnal KubGAU. [Scientific journal Kuban state agrarian university]*. 2015, no. 105 (01), pp. 949–963. (in Russ.)
16. Reshetnikov F. M. *Pravovye sistemy stran mira. Spravochnik* [Legal systems of the countries of the world. Directory]. Moscow, 1993, 256 p.
17. Sanginov K. H. [Formation of legal culture of youth: the nature and challenges] *Uchenye zapiski Hudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Gumanitarnye nauki. [Scientific notes of the Khujand state University named after academician B. Gafurov. Humanities]*. 2013, no. 3 (36), pp. 201–210. (in Russ.)
18. Saulyak O. P. [Legal culture as a factor in law enforcement (theoretical, educational and other aspects of the problem)]. *Pravo i obrazovanie. [Law and education]*. 2009, no. 10, pp. 48–59. (in Russ.)
19. Sel'skij A. V. *Blanketnye normy v ugovnom zakonodatel'stve Rossii: diss. ... kand. jurid. nauk* [Blanket norms in the criminal legislation of Russia. Diss. Kand. (Law)]. Moscow, 2010, 191 p.
20. Semitko A. P. *Pravovaya kul'tura socialisticheskogo obshchestva: sushchnost', protivorechiya i progress* [The legal culture of the socialist society: the nature, contradictions and progress]. Sverdlovsk, 1990, 176 p.
21. Semitko A. P. [Russian legal culture: mythological and socio-economic origins and background]. *Gosudarstvo i pravo [State and law]*. 1992, no. 10, pp. 108–113. (in Russ.)
22. Strygina S. V. [Legal culture in modern Russia]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya EHkonomika. Upravlenie. Pravo. [Proceedings of Saratov University. New series. The Economic Series. Management. Law]*. 2007, T. 7, vol. 1, pp. 69–72. (in Russ.)

23. Titarenko T. A. [Formation of legal culture of police officers]. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. [Psychopedagogy in law enforcement agencies]*. 2011. no. 3 (46), pp. 48–52. (in Russ.)
24. Tonkov E. N. [The English technique of interpretation of the law]. *Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. [The Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia]*. 2013, no. 24, pp. 37–40. (in Russ.)
25. Tuguz S. B. [The concept of legal culture and its intrinsic characteristics]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psihologiya. [The Bulletin of Adyghe state University. Series 3: education and psychology]*. 2009, no. 2, pp. 122–125. (in Russ.)
26. Tuliglovich M. A. *Struktura ugovovno-pravovoj normy: diss. ... kand. jurid. nauk. [The structure of the criminal law. Diss. Kand. (Law)]*. Omsk, 2006, 206 p.
27. Fridmehn L. *Vvedenie v amerikanskoe pravo [Introduction to American law]*. Moscow, 1993, 286 p.
28. Shefrukov A. Z. [Legal culture in the system of social institutions]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, iurisprudenciya, politologiya, kul'turologiya. [The Bulletin of Adyghe state University. Series 1: regional Studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies]*. 2008, no. 8, pp. 142–149. (in Russ.)

Kuklin Sergey Vadimovich – Postgraduate of the State and Law Department, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: grimm65@list.ru.

Received 12 October 2017.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Куклин, С. В. Правовая культура и правовое мышление в современном обществе / С. В. Куклин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2017. – Т. 17, № 4. – С. 75–83. DOI: 10.14529/law170415.

FOR CITATION

Kuklin S. V. Legal culture and legal thinking in the modern society. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 2017, vol. 17, no. 4, pp. 75–83. (in Russ.) DOI: 10.14529/law170415.
